

Семь царей Древнего Рима

Мифы Древнего Рима

Ромул и Тит Таций

Палатинский холм, на котором Ромул основал свой город, имел четырехугольную форму. Соответственно были построены и древние стены, сложенные из каменных глыб, вырубленных на склонах самого холма. Поэтому и сам город называли «квадратным Римом».

Воцарившись в Риме, Ромул, следуя обычаям, принятым у вождей соседних племен, в особенности богатых этрусских царей, решил окружить свой трон не меньшей пышностью и великолепием. У него была свита особых телохранителей, которые назывались ликторами. Каждый ликтор носил связку прутьев с воткнутой в середину секирой. По приказанию царя ликторы бросались на виновного, секли его прутьями, а за особо тяжкое преступление тут же отсекали голову. Царь появлялся перед народом в пурпурном плаще, с жезлом в руках, окруженный ликторами и приближенными.

Ромул был дальновидным и разумным правителем. Желая укрепить мощь основанного им города, он разделил всех жителей, которые могли носить оружие, на отряды, состоявшие по 3000 пехотинцев и 300 всадников. Каждый такой отряд назывался легионом. Из ста наиболее авторитетных граждан Ромул составил совет старейшин, который был назван сенатом, а члены сената — патрициями, в отличие от простого народа, стекавшегося в новый город из самых различных мест и зачастую совершенно неимущего. Для того, чтобы укрепить связи с соседними племенами, Ромул направлял к ним посольства с предложениями заключить брачные союзы женщин из этих племен с его подданными. Однако соседи, считая римлян неимущими беглецами, отказывались выдавать своих девушек за этот «подозрительный сброд». Но хитроумный Ромул решил настоять на своем и залучить к себе женщин под предлогом праздника, на которое были созваны жители соседних городов и поселений. Ромул велел распустить слух о том, что на его земле найден зарытый алтарь бога Посейдона. Были принесены щедрые жертвы и устроены игры и конные состязания. Самую многочисленную часть гостей составили сабиняне, которые привели на праздник своих жен и дочерей. Сам Ромул, сидевший в пурпурном плаще, должен был подать

условный знак воинам, поднявшись на месте, свернув плащ и снова накинув его на плечи. Множество римлян не спускали глаз с царя и по его сигналу с криком бросились на сабинянок, увлекая их за собой. Никто не преследовал обратившихся в бегство сабинян. И хотя сабиняне пытались договориться о возвращении им похищенных дочерей, Ромул отказался это сделать. Он предложил сабинянам переселиться к нему в Рим. Тогда негодующие сабиняне стали готовиться к походу на город.

Они двинулись под предводительством Тита Тация, но путь им преградили укрепления на Капитолийском холме, где размещался караул, выставленный римлянами. Сабинянам удалось взять его лишь путем подкупа дочери начальника караула — Тарпеи. У сабинян был обычай носить на левой руке тяжелые золотые запястья. Тарпея, прельстившись драгоценными украшениями, согласилась открыть ночью ворота, потребовав взамен у Тация то, что его воины носят на левой руке. Таций согласился, но, презирая предательство, велел своим воинам последовать его примеру — он бросил в Тарпею не только золотой браслет, но и тяжелый щит, надетый на его левую руку. Таким образом предательницу засыпали золотыми украшениями и задавили тяжелыми щитами. Тарпея была погребена на одной из скал Капитолийского холма, которая получила название Тарпейской и стала потом местом казни — с нее сбрасывали приговоренных к смерти преступников.

После того как сабиняне овладели укреплением, Ромул вне себя от ярости стал вызывать Тита Тация на бой. Закипела ожесточенная битва, схватка непрерывно следовала за схваткой. Ромул был ранен камнем в голову и едва не рухнул на землю, не находя в себе сил продолжать сражение. Римляне дрогнули и бросились бежать к Палатинскому холму. Напрасно Ромул, собрав последние силы, бросился наперерез бегущим воинам, пытаясь обратить их лицом к врагу. В отчаянии он простер руки к небу и громовым голосом стал взывать к Юпитеру, моля его вернуть римлянам мужество и спасти Рим от гибели. Юпитер вселил стыд перед царем и отвагу в сердца отступающих воинов. Они остановились, сомкнули ряды и вновь отбросили сабинян.

В это время произошло нечто неожиданное как для римлян, так и для их врагов. Словно вдохновленные божеством, с мольбами, слезами, воплями, прижимая к груди младенцев, скользя в крови поверженных воинов, с

холмов ринулись сабинянки, похищенные римлянами. Они бросились между сражающимися, умоляя их, отцов своих детей, пощадить малолетних младенцев, которые неизбежно осиротеют, если битва, столь жестокая, будет продолжаться. Одна из сабинянок, Герсилия, была особенно красноречива в своих мольбах и упреках. Остальные женщины, взволнованные, плачущие, прекрасные в своем негодовании и отчаянии, смело преграждали путь сражающимся, и им удалось остановить кровопролитие. Римляне и сабиняне заключили мир. Было принято решение о совместном правлении, войсками стали командовать Ромул и Тит Таций. Сабиняне переселились в Рим. Таким образом удвоилось число жителей города, патрициев и воинов в легионах. Женщины стали пользоваться особым уважением — им уступали дорогу, никто не смел в их присутствии говорить непристойности, привлекать их к суду по обвинению в убийстве. Дети их имели право носить на шее украшение-буллу. В честь женщин, столь героически положивших конец войне, был устроен особый праздник — матроналии.

Оба царя, и Ромул и Тит Таций, почитали друг друга и правили в полном согласии. За время их совместного правления Рим значительно разросся, одержав большое количество славных побед над соседними племенами. Ромул, проявивший себя как выдающийся военачальник, занятые им города не разрушал, а превращал их в римские поселения, отправляя туда на жительство своих подданных. После смерти Тита Тация Ромул стал управлять Римом единолично. Однако всевозраставшее могущество Ромула сделало его гордыню непереносимой не только для народа, но и для сенаторов, с мнением которых Ромул перестал считаться. Когда в Альба-Лонге скончался его дед, царь Нумитор, Ромул, который должен был ему наследовать, предоставил ее жителям право самим распоряжаться своими делами и лишь ежегодно назначал им наместника. Тогда сенаторам Рима пришла в голову мысль, что они и сами могут обойтись без единовластия царя. Кроме того, Ромул оскорбил их своим самоуправством, поделив между воинами земли, захваченные в войне с этрусками, не только не посоветовавшись с сенаторами, но и вообще без их ведома. Это вызвало такое возмущение в сенате, что, когда Ромул внезапно и таинственно исчез, народ стал волноваться и обвинять сенаторов в убийстве царя. Поскольку исчезновение Ромула произошло во время бури, налетевшей внезапно, сопровождавшейся затмением солнца, глубокой тьмой и грозowymi раскатами, то один из сенаторов, ближайший друг Ромула, явившись на

форум, перед всем народом клятвенно заявил, что он на дороге встретил Ромула, прекрасного, в блистающем вооружении, который объявил ему, что по воле бессмертных богов, долго прожив на земле и основав великий город, он, Ромул, вновь вернулся на небеса и будет теперь милостивым к римлянам божеством Кви-рином: под его покровительством Рим достигнет небывалого могущества.

Нума Помпилий и нимфа Эгерия

Нума Помпилий, сабинянин, славившийся своими высокими нравственными достоинствами, был избран вторым царем Рима всем народом. Однако его согласие стать царем послы, прибывшие из Рима в город Куры, где жил Нума, получили далеко не сразу. Нума, потеряв горячо любимую жену, дочь царя Тация, которая не поехала в Рим за отцом, а осталась жить в родном городе и нашла счастье в браке с Нумой, в свою очередь, покинул город и предпочел одинокую созерцательную жизнь под сенью священных рощ, на берегах прозрачного ручья. Нимфа этого источника, которую звали Эгерией, полюбила одинокого и прекрасного человека, искавшего покоя и мудрости в общении с природой. Ее близость с Нумой сделала будущего римского царя еще более мудрым и человечным.

Нуме шел уже сороковой год, когда прибывшие из Рима послы предложили ему римский трон. В присутствии своего отца и родственников он отказался, говоря, что не пристало ему, человеку, ставящему мир и справедливость превыше всего, взять власть в государстве, которое живет войнами и раздорами и нуждается скорее в царе-полководце, нежели в наставнике, учащем ненавидеть насилие и войны. Послы стали просить Нуму не ввергать народ в новые несчастья междоусобных раздоров; к их мольбам присоединились и его родственники, убеждавшие, что народ, пресыщенный победами и триумфами, сам утомлен бесконечными кровопролитиями и ищет путей к миру и спокойной жизни под руководством кроткого и разумного царя. И что, возможно, сами боги направили этих людей к Нуме для того, чтобы он обратил силы римлян не на истребление и завоевание себе подобных, а на создание процветающего государства, связав крепкими узами доброжелательства и дружбы сабинян с римлянами и другими соседями.

После долгих колебаний Нума внял настояниям сограждан и благоприятным знамениям, посланным богами, и согласился отправиться в Рим. Навстречу

ему вышел весь народ и сенаторы, чтобы приветствовать избранного всеми царя. Но когда Нуме были поднесены знаки царского достоинства, он попросил подождать проявления благосклонности богов. Вместе с жрецами и прорицателями Нума поднялся на Капитолийский холм. Там главный из прорицателей, закрыв Нуме лицо покрывалом и обратив его к югу, стал за спиной царя, возложив ему руку на голову. Вознеся молитву богам, прорицатель принялся сосредоточенно наблюдать, не появится ли в небе какое-либо знамение, которое можно истолковать как волеизъявление богов. Тысячная толпа народа стояла внизу, затаив дыхание и ожидая, запрокинув головы, божественного знамения. Лишь когда вещие птицы появились в небе с правой стороны, стало ясно, что боги посылают благоприятный знак. Тогда Нума был облечен в царские одежды и спустился с холма к народу, приветствовавшему его как «благочестивейшего из смертных» и «любимца богов».

Первым действием Нумы Помпилия после принятия им власти был роспуск отряда трехсот телохранителей, состоявшего при Ромуле. Нума заявил, что он считает для себя невозможным не доверять народу, который оказал ему доверие. К двум уже бывшим у римлян жрецам богов Юпитера и Марса он присоединил еще одного — жреца Квирина. Таким образом, он возвысил дух римлян, официально признав их царя Ромула божеством, с одной стороны, а с другой — пытался смягчить воинственный и буйный нрав этого разношерстного населения, стекавшегося в Рим, устремляя его силы на более мирные занятия — благоустройство города, обработку земли, развитие ремесла. Нума устраивал празднества в честь богов с пышными жертвоприношениями и состязаниями, плясками и хороводами. Иногда же он усмирял строптивый дух римлян, угрожая им карами богов, грозными пророчествами и видениями, наводя на своих подданных суеверный ужас. Словом, царь обращался с ними как любящий, но строгий отец, стараясь привить жителям любовь к порядку и справедливости, воздействуя на них личным примером. Боги явно высказывали свое благосклонное отношение к мудрому царю. Когда к Риму подошла страшная моровая язва, терзавшая все италийские племена, то неожиданно с небес прямо в руки царя упал медный щит. Нума сообщил народу, что, по словам нимфы Эгерии и муз, щит послан во спасение городу. Но чтобы сберечь его, следует сделать одиннадцать подобных щитов, чтобы ни один злоумышленник не смог узнать щит, низринутый с небес самим Юпитером. И, действительно, один из самых искусных художников того времени добился такого сходства, что сам царь не сумел определить, какой щит послужил образцом для

остальных. Хранителями и стражами этих щитов Нума сделал жрецов — салиев. Луг, на который упал щит, надлежало посвятить музам, а источник, орошающий эти места, объявить священным. Отсюда жрицы богини Весты ежедневно должны будут черпать священную воду для очищения и окропления храма богини, в котором горел неугасимый огонь. По повелению Нумы был воздвигнут круглый храм Весты, храм Верности и храм бога границ — Термина. Царь стремился внушить своим необузданным подданным, что клятва Верностью — самая величайшая. Построив храм бога рубежей Термина, Нума убедил своих сограждан, что бог рубежей одновременно является стражем мира и блюстителем справедливости. Если соблюдать границу — это будет сдерживать силы, а нарушить ее — уличит в стремлении к насилию. Ромул не хотел определять границы, ибо это показывало, какое количество земли он отнял у своих соседей насильственным путем. Нума же прекрасно понимал, что ничто так не обращает человека к миру, как труд на земле. Он сохраняет воинскую доблесть как средство защиты своих владений, но одновременно искореняет кичливую воинственность, вызванную самой низменной корыстью.

За все долгое время правления Нумы Помпилия не возникало ни мятежей, ни выступлений злоумышленников, ни войн. Ворота храма бога Януса, стоявшие открытыми в период войны, при Нуме были закрыты в течение сорока трех лет. Подданные мудрого царя считали, что боги ему покровительствуют и что всякий злой умысел бессилен перед их защитой. Люди рассказывали о многих чудесных явлениях, происходивших с Ну-мой. Так, однажды, собрав народ на пир, он принял всех за скромно убранными столами, уставленными простой, непритязательной пищей. Когда трапеза уже началась, царь объявил, что пир удостоила своим посещением его возлюбленная — богиня, и тут же на столах появилась богатая утварь и роскошные яства. Известно также, что Нуме удалось смягчить гнев Юпитера и находчивостью и смелостью в обращении с высшим божеством склонить его к милосердию при установлении страшного обряда очищения, который следовало совершать после удара молнии. Когда на Авентинском холме Нума хитростью изловил двух лесных богов — Фавна и Пика, которые владели даром колдовских заклинаний и тайнами волшебных снадобий, то разгневанный Юпитер, сойдя на землю, грозно возвестил, что очищение следует производить головами. «Луковичными?» — быстро спросил Нума, наученный мудрой Эгерией. — «Нет, человеческими...» — продолжал

Юпитер. Нума, желая предотвратить ужасающее по жестокости повеление бога, быстро договорил: «Волосами?» — «Нет, живыми...» — прогремел Юпитер. — «Рыбешками?» — вновь подхватил Нума, не давая Юпитеру закончить свои слова каким-либо ужасным предписанием. Грозного бога умиротворила находчивость и кроткая настойчивость царя. Юпитер, смилостивившись, удалился, а обряд очищения так и стали производить с помощью головок лука, человеческих волос и мелких рыбешек.

Так, почитаемый и уважаемый не только теми, кем он управлял, но и многими соседними народами, Нума дожил до восьмидесяти лет. На его торжественное погребение собрались все, кто чтит престарелого царя, принесшего мир и благоденствие на истерзанную непрерывными войнами италийскую землю.

Тулл Гостилий

После смерти Нумы Помпилия народ избрал царем Тулла, внука одного из прославленных соратников Ро-мула — Гостилия, погибшего в знаменитой битве римлян с сабинянами. Тулл Гостилий был молод и храбр. Его воодушевляли бранные подвиги, свершенные дедом. Молодой царь считал, что государство, ведущее мирную жизнь, ослабеваает и утрачивает военную мощь. И Тулл Гостилий повсюду искал предлоги для того, чтобы начать военные действия против соседних племен. Так, он объявил войну жителям города Альба-Лонга, обвиняя их в угоне скота у римских поселян (хотя римляне сами также угоняли стада с альбанских полей). Царь отправил послов к правителю Альба-Лонги Гаю Клуи-лию с требованием возместить нанесенный ущерб. Поскольку альбанцы отказались выполнить это требование, римляне объявили, что через 30 дней начнут военные действия. Однако альбанцы первые с огромным войском вступили в римские земли и расположились лагерем. Неожиданно вождь альбанцев умер, и они избрали предводителем Меттия. Узнав о смерти альбанского вождя, Тулл Гостилий, обойдя вражеский лагерь, вторгся в альбанскую область, заявив во всеуслышание, что всемогущие боги, покарвав вождя альбанцев, накажут и весь народ за нечестивую войну с римлянами. Меттий двинулся за римским войском, и когда обе армии выстроились в боевом порядке лицом к лицу, Меттий обратился к Туллу Гостилию с просьбой — прежде чем вступить в битву, обсудить его предложение. И когда оба вождя, окруженные ближайшими советниками, сошлись в середине бранного поля, Меттий сказал: «Битва должна быть тяжелой и кровопролитной. Когда она кончится, то все будут истощены — и победители, и побежденные. И тогда

этруски, народ сильный и на суше, и на море, нападут и поработят всех нас. Не лучше ли нам решить спор о том, кому над кем господствовать, без большого кровопролития и страшных бедствий?» И хотя Тулл Гостилий по своему характеру был склонен к военным действиям, он не мог не оценить разумности сказанного вождем альбанцев.

Случилось так, что и в войске римлян и в войске альбанцев находилось по три брата, которые к тому же еще были близнецами. Римские близнецы были из семьи Го-рациев, альбанские — из дома Куриациев. Вожди подозвали юношей к себе и спросили, согласны ли они сразиться за свободу и честь своих родных городов. Кто одержит победу, тот и принесет родине славу и господство над городом противника. Когда римские и альбанские юноши выразили свою готовность, было условлено между предводителями, что тот народ, воины которого выйдут победителями в этом сражении, будет повелевать другим народом с его полного согласия. Обеими сторонами была принесена в этом торжественная клятва, скрепленная обращением к Юпитеру с мольбой покарать ударом молнии того, кто осмелится ее нарушить. Сопровождаемые одобряющими возгласами своих товарищей по оружию, напутствиями вождей, напоминавших юношам о том, что на их военную доблесть взирают отчие боги, родители и сограждане, шестеро молодых воинов стали друг против друга посередине между армиями римлян и альбанцев: трое Горациев против троих Куриациев, охваченные жаждой победить во что бы то ни стало в этой беспощадной битве, исход которой решал участь их родного города и народа.

Мужественные и прекрасные в своей готовности пожертвовать жизнью, чтобы сохранить военную мощь своих сограждан, стояли юноши, словно два первых строя враждебных войск, ожидая условного знака, чтобы кинуться в бой. Лишь только сверкнули обнаженные мечи и началось сражение, всех зрителей охватил трепет — так свирепо и искусно бились юные воины. А ведь смотрели на эту битву опытные и бывалые бойцы и военачальники. И у каждого из них захватывало дыхание и прерывался от волнения голос. Воины обеих армий невольно сжимали рукоятки мечей и древки копий, но никто не смел ни прийти на помощь, ни двинуться с места.

Уже стала ослабевать сила ударов, наносимых друг другу сражающимися, уже заструилась кровь по их телам. Все три Куриация получили раны, но, к ужасу римлян, двое из Горациев один за другим пали мертвыми. Из трех братьев Горациев остался один против трех Куриациев. Альбанские воины

испустили радостный клич, считая, что победа у них в руках. Однако все братья Куриации были ранены, а последнему Горацию удалось остаться невредимым. Понимая, что троих противников сразу ему не одолеть, он решил сразиться с ними поочередно. Для этого последний из Горациев обратился в притворное бегство. Куриации бросились вслед за ним, но догнал Горация первым тот, кто получил наиболее легкую рану. Обернувшись, Гораций напал на подбежавшего к нему противника и сильным ударом меча сразил его насмерть. Затем, как вихрь, Гораций налетел на второго Куриация и, не дожидаясь, пока подоспеет третий на помощь брату, нанес ему смертельную рану. Одушевленный этой двойной победой Гораций бросился навстречу третьему Куриацию. Но тот, потрясенный столь молниеносной смертью двух братьев, обессиленный ранами и погоней за врагом, уже не мог дать достойный отпор Горацию. Его меч скользнул по щиту врага, Гораций же, опьяненный кровью, охваченный жаждой убийства, рассек ему голову мечом и воскликнул: «Двух братьев я предал подземным богам! Третьего же я приношу в жертву, чтобы римляне повелевали альбанцами!»

Ликующие римляне окружили покрытого вражеской кровью юного героя, который в качестве трофея взял доспехи последнего сраженного им Куриация. Похоронив убитых на тех местах, где они пали, войска разошлись по домам. Впереди римского войска шел Гораций, неся доспехи трех поверженных Куриациев. На его плечах развевался роскошный плащ, снятый с последнего врага. У ворот города героя ожидала толпа, приветствовавшая мужественного воина, спасшего Рим от господства альбанцев. Но сестра Горация, Камилла, узнав на плечах брата плащ своего жениха Куриация, вытканый ею самой, разразилась душераздирающими рыданиями. Распустив в знак отчаяния волосы, она стала призывать погибшего жениха, оплакивая его цветущую юность, сраженную безжалостной рукой ее брата. Гораций, все еще не остывший от ярости сражения, возмущенный этими скорбными воплями среди всеобщего ликования, в негодовании выхватил меч, еще не просохший от крови Куриациев, и вонзил в грудь своей сестры. При виде такой жестокости по отношению к несчастной девушке народ ужаснулся. Гораций же воскликнул: «Иди за своим женихом, ты, забывшая о павших братьях и отечестве. Так погибнет всякая римлянка, которая станет оплакивать врага!» Хотя только что совершенный подвиг и смягчал вину Горация, но

тем не менее его схватили и привели к царю, чтобы предать суду.

Тулл Гостилий предоставил народу решение о казни или помиловании Горация. Перед народом выступил отец трех братьев Горациев, который заявил, что, по его мнению, дочь заслужила свою смерть. И если бы он счел поступок сына неправым, то сам и наказал бы виновного. И затем, обняв сына за плечи, Гораций-отец стал просить народ не лишать его последнего из оставшихся детей. Ведь его сын теми руками, которые должен связать ликтор, чтобы предать позорной казни, только что завоевал свободу Риму. Ведь двое братьев Горация только что отдали свою жизнь за родной город. Народ был тронут слезами и просьбами отца и спокойствием доблестного юноши. Младший Гораций был оправдан и искупил убийство, принеся очистительные жертвы. Сестра Горация была погребена там, где ее настиг беспощадный меч родного брата.

Однако мир с альбанцами продолжался недолго. Аль-банцы роптали на то, что судьба целого народа была поставлена в зависимость от смелости и удачливости трех молодых воинов, чья гибель привела к господству римлян над Альба-Лонгой, и осуждали своего вождя Меттия. Тулл Гостилий, зная об этом, целым рядом хитрых уловок сумел убедить и римлян, и альбанцев, что Меттий нарушил договор между двумя народами, скрепленный священной клятвой. Он публично объявил Меттия предателем, мешающим единству римлян и альбанцев. Несчастный Меттий был привязан к двум колесницам, направленным в разные стороны, и растерзан на части. Это была первая и последняя публичная казнь подобного рода в ранней истории римлян.

Устрашив этой казнью альбанцев, Тулл Гостилий заявил, что все жители Альба-Лонги будут переселены в Рим, чтобы с этого времени был один город и одно государство в Лации. Римские воины, всадники и пехотинцы, были направлены в Альба-Лонгу, чтобы изгнать из города жителей, а затем разрушить сам город. Население Альба-Лонги в глубокой растерянности и смятении покидало навсегда родные стены. Женщины с плачущими детьми бродили по своим жилищам, не зная, что взять с собой из самых дорогих им вещей. Некоторые стояли неподвижно, глядя, как непрерывная вереница людей, покидающих обреченный на разрушение город, бредет по пыльной дороге с тихими вздохами и плачем.

И лишь когда слышался треск разрушаемых римскими воинами зданий, последние из несчастных обитателей обреченного города покинули его,

окутанные клубами пыли, поднявшейся от падающих стен и крыш. Римляне сровняли с землей все общественные и частные постройки Альба-Лонги, города, соорудившегося и украшавшегося на протяжении четырех столетий. Только храмы богов побоялся разрушить грозный царь.

С переселением альбанского народа в Рим мощь государства усилилась. Увеличилось войско, поскольку Тулл Гостилий набрал из альбанцев 300 всадников в конницу и пополнил число легионов. Однако боги стали являть свое недовольство целым рядом грозных знамений — на альбанской горе шел дождь из камней. Из рощи, лежавшей на вершине горы, раздавался страшный голос, повелевавший альбанцам совершать священнодействия по обычаям их отцов. Боги наслали на Наций моровую язву, страшную болезнь, которой не избежал и Тулл Гостилий. И вот, ослабев телом и душой, он решил умиловить богов, прогневавшихся на Рим и его царя.

Воинственный дух Тулла Гостилия был сломлен охватившими его суевериями. Он понял, что, казнив Меттия, прогневил Юпитера, который сам должен был покарать клятвопреступника. Поэтому царь, вычитав в записях, оставшихся после Нумы Помпилия о существовании каких-то таинственных священнодействий в честь Юпитера, отправился совершать жертвоприношения. Но поскольку все было начато и проводилось Туллом Гостилием не так, как следовало, то Юпитер, несколько не умиловленный, а разгневанный извращением установленного обряда, метнул молнию в дом царя и испепелил его. Так погиб Тулл Гостилий, процарствовавший над римлянами 32 года.

Анк Марций

Согласно установленному обычаю, народом был избран на царство внук царя Нумы Помпилия, Анк Марций. По своему характеру Анк Марций был скорее миролюбив, как его дед, но он понимал, что в случае нападений соседей будет вынужден дать им должный отпор. Иначе, испытывая меру его терпения и убедившись в своей безнаказанности, враги Рима станут презирать то, перед чем недавно смирялись. Страшная смерть Тулла Гостилия показала, что не следует пренебрегать всеми правилами богослужений и принесения жертв. Поэтому Анк Марций распорядился, чтобы понтифик выписал на специальной доске уставы Нумы Помпилия для свершения священнодействий, выставив ее в общественном месте. Забота нового римского царя о богослужениях и жертвоприношениях вселила в сердца латинян (с которыми Туллом Гостилием был заключен мирный договор) уверенность, что можно безнаказанно разорять римские поля и

угонять скот, поскольку царь собирается проводить свою жизнь среди храмов и жертвенников. Однако Анк Марций двинулся с войском на земли латинян, и после многих кровопролитных сражений ему удалось взять их укрепленные города, разрушить их, как некогда была разрушена Альба-Лонга, и переселить всех жителей в Рим. Анк Марций вернулся с огромной добычей, захваченной у врага. По приказанию царя через реку Тибр был построен первый мост на сваях, чтобы соединить вновь укрепленный Яникульский холм с городом. Для устрашения преступников, которых много развелось в столь населенном городе, как Рим, была сооружена тюрьма, высеченная в Капитолийском холме со сводами в два этажа. В ее нижней части совершалась смертная казнь. С расширением границ после удачных войн Римское государство достигло моря. Анк Марций основал в устье Тибра город Остию — морской порт Рима.

Остерегаясь гнева богов, особенно раздражительного и быстрого на расправу Юпитера, Анк Марций в знак благодарности за блестящие военные успехи римлян велел расширить и украсить храм Юпитера Феретрия. Следуя в своей деятельности примеру славного деда, Анк Марций, подобно Нуме Помпилию, устройтелю мирных церемоний и обрядов, ввел специальную воинскую церемонию — порядок объявления войны, целый ритуал, которому с этого времени римляне неуклонно стали следовать. По этому ритуалу, специальный посол, обвязав голову шерстяной лентой, должен был приблизиться к границе народа, которому предъявлялись претензии римлян, и произнести следующую формулу: «Услышь, Юпитер, услышь, народ (здесь называлось имя племени), услышь, священное право! Я, вестник, явившийся от лица всего римского народа. Согласно с божественными и человеческими законами, я являюсь послом, и да будут выслушаны мои слова с доверием». После этого излагались требования. Заклучалось все следующей фразой: «Если я против законов божественных и человеческих требую все перечисленное, то не дай мне, Юпитер, никогда больше видеть отечество!» Эти слова посол повторяет первому, кто встретится ему на пути к городу, вступая в город и прибыв на форум. Если же в течение тридцати трех дней посол не получает требуемого, то он объявляет войну, произнося следующие слова:

«Услышь, Юпитер, и ты, Янус Квириин, и все боги-небожители, и вы, обитающие на земле, и боги подземного царства, услышьте! Вас я призываю в свидетели, что этот народ не исполняет долга, а о том, как добиться

принадлежащего нам по праву, посоветуемся дома со старейшинами». После этого вестник должен был возвратиться в Рим для совещания. Затем царь, собрав сенат, опрашивал всех сенаторов, начиная с самого уважаемого, и если они отвечали, что все требования следует удовлетворить «войной честной и законной», то выносилось решение об объявлении войны. После этого фециал нес к границе враждебного племени копье, запятнанное кровью, и в присутствии трех вооруженных воинов бросал его во вражескую землю со словами: «Я и римский народ объявляю и открываю войну против народа и граждан (следовало название племени) за то, что они погрешили против римского народа Квиритов, так как римский народ и сенат римского народа Квиритов повелел быть войне». Введение этого торжественного ритуала снискало в римском народе еще большее уважение к Анку Марцию, поскольку видимость законности снимала с римлян тяготевшее на них со дня основания города клеймо народа с разбойничьими наклонностями, буйного и незаконного.

Анк Марций умер, процарствовав 24 года, оставив по себе славу властителя, умевшего разумно править и в мирные, и в военные времена.

Тарквиний Древний

Где-то в конце царствования Анка Марция в Рим переселился из этрусского города Тарквиний, богатый вельможа, сын выходца из греческого города Коринфа и знатной этрурянки. Этот человек, женатый на женщине по имени Танаквиль, происходившей из знатного этрусского рода, по настоянию властной и гордой жены уехал из города, жители которого постоянно напоминали ему, что он — сын изгоя, и не оказывали должных почестей и уважения. Танаквиль, возмущенная и униженная отношением к Тарквинию своих соотечественников, уверенная в счастливом жребии своего мужа, одаренного умом и доблестью, выбрала для нового жительства Рим, считая, что среди народа, где еще мало знатных людей, энергичному и честолюбивому человеку легко занять одно из первых мест, которое подобает ему по достоинству. Подтверждение честолюбивым своим замыслам Танаквиль увидела в знамении богов, ниспосланном на пути в Рим. Когда Тарквиний ехал с женой в повозке, орел, паривший в воздухе, спустился над ними и взмыл вверх, унося в когтях войлочную дорожную шапку с головы Тарквиния. Не успели муж и жена опомниться от испуга, как орел с громким криком вновь возвратился и возложил шапку на голову

Тарквиния, словно увенчивая его по повелению богов. Трепещущая Танаквиль с торжеством объявила мужу, что теперь, судя по полету птицы и ее действиям, в Риме его ожидают высокие почести и слава.

Приехав в город и купив дом, Тарквиний сразу сделался известным человеком. Он был гостеприимен, охотно оказывал помощь нуждающимся и вскоре вошел в доверие к царю Анку Марцию настолько, что тот сделал Тарквиния наставником двух своих сыновей. Спустя некоторое время царь проникся к нему столь глубокими дружескими чувствами, что назначил его опекуном детей до их совершеннолетия. Живя в Риме, Тарквиний взял себе имя Тарквиния Древнего. Своим добрым обхождением он привлек к себе симпатии и знатных римлян, и простого народа. Под непосредственным руководством царя Анка Марция Тарквиний прекрасно изучил все римские законы и обычаи. Он деятельно участвовал и в гражданской, и в военной жизни римского народа, а повиновением и почтительностью к царю соперничал со всеми его подданными.

Как только Анк Марций умер, Танаквиль, храня в памяти знамение, полученное на пути в Рим, желая высочайших почестей для мужа, стала укреплять в Тарквиний честолюбивые замыслы. Она твердила, что в Риме привыкли к иноземным царям — и Тит Таций и Нума Помпилий не были римлянами, а получили высшую власть над римским народом. Поддавшись уговорам жены, отвечавшим, впрочем, его собственным честолюбивым стремлениям, Тарквиний, отослав опекаемых им царских сыновей на охоту на время избрания царя, сам выступил с речью перед народом. В красноречивых выражениях он обрисовал свои заслуги перед Римом, свою преданность царю и делам римского народа, напомнил, что он не первый иноземец, который в случае избрания станет у власти. Словом, все те доводы, которые они вместе с Танаквиль хорошо обдумали, Тарквиний высказал на собрании столь убедительно, что римский народ единодушно предложил передать ему царские полномочия.

Проведя несколько победоносных войн с сабинянами и латинянами, Тарквиний Древний присоединил их области к Риму, захватив большое количество богатой добычи. По возвращении в Рим Тарквиний приступил к мирным делам с не меньшей энергией, которую он отдал делам военным. Он считал, что народ всегда должен быть занят полезным делом — будь то отпор врагам или укрепление собственного жилища. По приказу Тарквиния

началась достройка каменных стен там, где были лишь земляные укрепления; работы по осушению болотистых мест в равнинах, лежащих между холмами. Были проведены специальные каналы, спускавшие воду в Тибр, построен большой цирк для конских бегов и кулачных боев, проводившихся ежегодно (Великие или Римские игры).

Тарквиний Древний, у которого было двое сыновей и дочь, выдал ее замуж за своего воспитанника Сервия Туллия, выросшего в семье Тарквиния после смерти

своей матери, взятой в плен при захвате одного из городов, принадлежавших латинянам. Отец Сервия Туллия был убит, а мать родила мальчика в доме царя. Однажды, когда мальчик спал, увидели, что вокруг его головы пылает пламя. Испуганные слуги принесли воду, чтобы затушить огонь, но мудрая царица Танаквиль велела не будить ребенка, пока он сам не проснется. И, действительно, огонь пылал, не обжигая, и исчез, когда маленький Сервий открыл глаза. Танаквиль, уведя мужа в уединенную комнату, объяснила ему, что этот огонь — знамение, посланное богами. Оно свидетельствует о том, что мальчик в минуту грозной опасности может стать их спасителем. Поэтому следует дать ему не то обычное воспитание, которое получают все дети, а тщательно заботиться о нем, развивая ум и доблесть. Так и было сделано, и Сервий Туллий стал юношей действительно царственного ума и высоких достоинств. По всем этим причинам и отдано было ему предпочтение перед остальными знатными юношами Рима, которые могли претендовать на руку царской дочери.

Уже тридцать восемь лет царствовал Тарквиний Древний в Риме, и государство процветало под его мудрым правлением. Любимец царя, Сервий Туллий, пользовался и у народа и у сенаторов величайшим уважением. Но сыновья Анка Марция, давно затаившие злобу на Тарквиния, обманом лишившего их отцовского трона, на который (как они полагали) имели право, поняли, что и после смерти Тарквиния безродный пришелец снова может захватить власть. Злобствуя против Сервия Туллия, которого они везде ославляли как сына рабыни и раба, сыновья Анка Марция опасались все же больше Тарквиния, понимая, что если они убьют Сервия Туллия, то ужасной мести царя им не миновать. Кроме того, убийство Сервия Туллия привело бы лишь к появлению другого преемника, назначенного Тарквинием. Стало быть, начинать следовало с Тарквиния. Для совершения задуманного злодеяния были выбраны два самых отчаянных пастуха. Взяв с собой обычные орудия труда, они подняли притворную драку у самого

царского дома, сопровождая ее отчаянным шумом и криками. Оба они призывали царя, требуя, чтобы тот разрешил их спор. Переполошившиеся слуги сообщили об этом Тарквинию, и он велел позвать пастухов в дом. Они продолжали перебранку и спор, перебивая друг друга. После того, как ликтор остановил их и потребовал, чтобы пастухи объяснили царю поочередно, в чем суть дела, один из них стал плести какую-то чепуху и тем отвлек внимание царя, а второй, подойдя близко и уловив удобный момент, нанес Тарквинию удар секирой, разрубив ему голову. Оба пастуха бросились бежать, но были схвачены ликторами. На отчаянные вопли слуг сбежался народ. Однако мужественная Танаквиль велела запереть дом и удалить из него всех свидетелей случившегося. Поняв сразу же, что рана, нанесенная Тарквинию, смертельна, она послала за Сервием Туллим. Когда тот явился, то, указывая ему на почти бездыханное тело царя, Танаквиль стала умолять Сервия отомстить за смерть человека, заменившего ему отца. Она напомнила о знамении, посланном богами, когда Сервий был еще ребенком, и заклинала взять власть в свои руки, чтобы не оставить семью царя и римский народ на произвол убийц, совершивших злодеяние чужими руками. Она обещала Сервию свою поддержку, чтобы укрепить его дух, смятенный страшной неожиданностью.

Поскольку тревога и шум на улице возрастали и слуги уже не в состоянии были сдерживать натиск встревоженного народа, то царица подошла к окну дома, которое находилось на втором этаже, и обратилась к толпе, успокаивая ее. Танаквиль объявила, что царь был лишь ошеломлен внезапным ударом, рана не опасна и народ скоро сможет вновь увидеть Тарквиния. Но пока что он повелевает повиноваться Сервию Туллию, который будет во всем испрашивать царского совета и решения при исполнении своих обязанностей. Таким образом, в течение нескольких дней Сервий Туллий, сидя на царском месте, в плаще, в присутствии ликторов, одни дела решал сразу, другие откладывал для того, чтобы якобы посоветоваться с Тарквинием, который был уже мертв. Когда же смерть царя была обнародована и во дворце начался погребальный плач, Сервий Туллий, достаточно укрепив свое положение и проявив себя как достойный преемник Тарквиния, с согласия сенаторов принял царскую власть.

Боясь новых покушений, он окружил себя надежной стражей, тем более что сыновья Анка Марция не были схвачены, а бежали и жили изгнанниками в приютившем их отдаленном городе. Мудрый Сервий Туллий для того, чтобы

избежать измены со стороны сыновей Тарквиния, Луция и Аррунса, ввел их в свою семью, выдав за них своих дочерей. Но здесь он просчитался, ибо стремление властвовать было гораздо сильнее родственных связей и впоследствии заключение этих браков послужило причиной гибели царя.

Военные успехи Сервия Туллия в его борьбе с этрусскими городами принесли ему огромную добычу и любовь народа, поскольку он проявил себя как доблестный военачальник, вполне достойный высокого сана царя римлян. Водворив мир в своих владениях и обезопасив их границы, Сервий Туллий приступил к упорядочению внутренней жизни римских граждан. Поскольку Рим был центром притяжения, куда охотно стекались новые поселенцы из самых разных областей, и сами римские властители зачастую переселяли в Рим жителей покоренных ими городов, то среди населения города образовалось значительное число людей, которые, представляя массу свободных, не обладали правами граждан Рима. Они не участвовали в народном собрании, которое по существу было сходкой вооруженного народа, не могли занимать общественные должности и не имели никаких политических прав. В отличие от полноправных римских граждан их называли плебеями. Царь Сервий Туллий учел, что большое число свободных, но бесправных людей, недовольных своим положением, может представлять значительную опасность для интересов государства. Он продумал и провел в жизнь новое устройство римского общества, разделив всех граждан на пять классов, куда входило все мужское население города в зависимости от имущественного положения.

К первому классу относились самые богатые люди, обладавшие наибольшими правами и почетом. В соответствии с классом налагались и военные обязанности. Наиболее состоятельные обязаны были иметь дорогостоящее вооружение. Пятый класс, многочисленный и бедный, был вооружен только пращами. Права граждан уменьшались в зависимости от получаемых доходов, хотя, казалось бы, никто из римлян не был лишен их полностью. Лишь жители совершенно неимущие оставались вне классов, не имея никаких прав; их называли пролетариями.

Упорядочив таким образом внутренние дела государства, Сервий Туллий решил достичь усиления Рима среди остальных племен мирным путем. Он взял за образец прославленный на весь мир как одно из чудес света знаменитый храм Артемиды Эфесской, построенный сообща всеми

государствами Азии. Восхваляя перед всеми, с кем он старался поддерживать дружеские отношения, пример подобного согласия и общего почитания божества, Сервий Туллий добился того, что в Риме общими силами был воздвигнут храм богини Дианы. Таким путем Сервию Туллию удалось добиться признания главенства Рима в Лациуме, из-за чего ранее возникали вооруженные столкновения. Царя, чтившего законы государства, которым он управлял, беспокоила мысль о том, что он по сути дела отстранил сыновей Тарквиния от власти, а сам был выдвинут не народным собранием, а всего лишь сенаторами. По этому, зная, что Луций Тарквиний распускает слухи о незаконности его власти и рабском происхождении, Сервий Туллий обратился к народу с вопросом: желают ли граждане Рима продолжения его царствования. И Сервий Туллий был провозглашен царем с редкостным единодушием.

Но это не отрезвило властолюбивого и коварного Луция Тарквиния. Поддержку своим замыслам он нашел у дочери царя Туллии, жены своего брата Аррунса. В противоположность спокойному и кроткому мужу Туллию снесдали честолюбивые мечты. В тайных беседах с Луцием она выказывала бесконечное презрение к малодушию Аррунса и к жене Луция, своей собственной сестре, которая не в состоянии была оценить смелости и истинно царственных достоинств своего мужа.

Этот тайный сговор двух честолюбцев привел к страшному злодеянию, совершившемуся в царской семье. Тайно были убиты Аррунс и старшая сестра Туллии, а убийцы, Луций и Туллия, вступили в брак. И здесь безрассудная жажда власти и почестей овладела обоими. Туллия, видя, что престарелый отец не в силах противостоять ей, неустанно твердила Луцию, что следует скорее двигаться к цели, ибо совершенные уже преступления могут стать бесцельными. Сын Тарквиния, говорила она, должен не смиренно надеяться на милость старого царя, а взять власть в свои руки. Не видя иного средства, чтобы подтолкнуть Луция на решительный шаг, Туллия стала упрекать его в трусости, недостойной сына Тарквиния, в том, что он ввел ее в заблуждение и она сменяла малодушного мужа на малодушного преступника. Угрозами, лестью, уговорами добилась Туллия того, что Луций стал искать популярности, заискивая перед теми, кто был обласкан его отцом, раздавая ценные подарки и щедрые обещания. Перед Туллией же всегда стоял образ властной царицы Танак-виль, жены Тарквиния Древнего, чужестранки, поднявшейся на римский престол благодаря своему властолюбию, настойчивости и влиянию на мужа. Такую долю предназначила себе и дочь царя Сервия, забыв о доброте и благородстве

своего отца.

Луций, подстрекаемый Туллией, перешел к решительным действиям, и во главе вооруженной толпы ворвался на форум. Он сел на царский трон и приказал созвать сенаторов к царю Таркзинию. Ошеломленный народ, полагая, что Сервий Туллий умер, собрался на площади и внимал злословию Тарквиния, который стал поносить Сервия Туллия, как раба и сына рабыни, незаконно присвоившего себе царскую власть. Он обвинил его в покровительстве людям низшего класса в ущерб богатым и достойным. Во время сбивчивой и яростной речи Тарквиния внезапно появился старый царь и потребовал, чтобы дерзкий юноша немедленно покинул царский трон и удалился с форума. Но Луций Тарквиний дерзко отказался, и между его вооруженными сторонниками и народом начались столкновения. Луций, для которого успех решался минутами, неожиданно схватил старого царя, поднял на руках и с размаху швырнул его вниз по ступеням. Когда слуги и сторонники Сервия Туллия подбежали к нему, он был уже мертв, ибо посланные вдогонку убийцы были проворнее — они закололи оглушенного старика. Рассказывали даже, что убийцы были посланы самой Туллией, которая, вопреки обычаям, на колеснице примчалась на форум, чтобы первой приветствовать мужа как царя Рима. Когда Тарквиний, недовольный ее появлением, приказал ей возвратиться домой, возница, перед тем как подняться на Эсквилинский холм, придержал храпящих коней, объятых ужасом, так как на дороге лежало тело Сервия Туллия, возле которого хлопотали его слуги. Туллия, охваченная злорадным торжеством, выхватив вожжи, погнала лошадей через труп отца. Кровь жертвы забрызгала одежду преступной дочери, колесницу и испуганных лошадей. Эту кровь Туллия принесла на колеснице к своим пенатам, осквернившись сама и осквернив домашних богов. Разгневанные, они предопределили дурное начало нового царствования и трагический его конец. Улица же, на которой произошло неслыханное поругание тела достойного царя родной дочерью, с тех пор стала называться Злодейской.

Тарквиний Гордый и падение царской власти в Риме

Луций Тарквиний, получив царскую власть ценой преступления, окружил себя целым отрядом телохранителей, понимая, что сам подал пример тому, каким путем можно занять царский трон. Кроме того, он истребил тех сенаторов, которых считал сторонниками убитого им Сервия Туллия,

поскольку захватил царскую власть, не будучи избран ни сенаторами, ни народным собранием. Понимая, что после всего происшедшего, усугубленного тем, что он запретил с почетом похоронить старого царя, Луций вряд ли мог рассчитывать на уважение своих сограждан, он решил держать подданных в повиновении страхом. Луций Тарквиний, вопреки законам, творил суд и приговаривал граждан к казням и изгнанию, лишал жизни, имущества и отечества всех тех, кто был ему негоден или подозрителен. Независимо от совета сенаторов он объявлял и заканчивал военные действия, произвольно заключал договоры и нарушал их. Ко всем без исключения Тарквиний относился высокомерно, не считаясь ни с заслугами, ни с достоинством своих сограждан. Волю сената и народа он не принимал во внимание и искал опоры не в Риме, а за его пределами, рассчитывая на помощь знати соседних племен против своего собственного отечества. Он даже выдал свою дочь за богатого и знатного тускуланца, ища союза с его сильной родней. Но не будучи в силах смирить свой дурной нрав, Тарквиний унижал и своих союзников при каждом удобном случае. Его коварство превосходило его непомерную гордость, за которую Луций Тарквиний и получил свое прозвище Гордого. Ему ничего не стоило подстроить подлую ловушку и казнить ни в чем не повинного человека, имевшего дерзость укорить римского царя в неуважении к собравшимся по его собственному повелению вождям, как это было с Турном из Ариции. Тарквиний обвинил его в заговоре против царя и покушении на убийство, подкупив раба, который подложил в палату Турна большое количество мечей, будто бы принадлежавших заговорщикам.

Расправившись таким образом с Турном из Ариции, Тарквиний Гордый запугал остальных вождей, и те вынуждены были согласиться на возобновление длительного договора с Римом. И хотя, как рассказывали, он был не таким дурным военачальником, как несправедливым правителем, и успешно провел несколько войн с соседними городами и даже взял большую добычу, разгромив племя вольсков, но военные его замыслы также строились на хитрости и коварстве.

Такова была его война с сильным и богатым городом Габиями, который римские воины взять не смогли. Туда бежал его младший сын Секст Тарквиний, притворившись, что спасается от невыносимой жестокости отца, якобы желавшего навести порядок в собственном доме путем уничтожения сыновей, негодных царю. Жители Габий поверили жалобам Секста

Тарквиния, тем более что он, завоевывая расположение граждан, почтительно выслушивал старейших, принимал участие в общих собраниях и настаивал на продолжении войны с Римом и с собственным «отцом-тираном». Искусными военными вылазками и щедро распределяемой добычей Секст Тарквиний снискал восхищение и доверие его новых союзников и сделался не менее сильным в Габиях, нежели отец его в Риме. Не получив распоряжений Тарквиния Гордого в отношении дальнейших действий, Секст стал поступать точно так же, как его отец. Интригами и подкупом он добился изгнания, разорения и истребления самых знатных граждан, искусно натравливая на них народ и сея повсюду раздоры. Бедных он привлекал на свою сторону щедрыми подарками из имущества казненных или изгнанных. Всеми этими действиями Секст совершенно притупил ожидание общей беды, которая угрожала городу, и обескровил тех, кто мог бы сопротивляться. В результате бесчестной и предательской игры Секста Габии без сопротивления подпали под власть римского царя.

Тарквиний Гордый, желая еще более возвеличить Рим среди прочих подвластных ему городов, приступил к сооружению храма Юпитеру на Капитолийском холме. В его постройке принимали участие прославленные мастера из Этрурии, приглашенные царем, а знаменитый этрусский скульптор Вулка создавал украшавшие храм статуи. Торопясь с сооружением храма, который, по замыслу царя, должен был увековечить не только славу верховного божества римлян, но и стать воплощением могущества самого Тарквиния Гордого, он заставил и простой народ заниматься строительными работами. Кроме храма, велось сооружение лож для знати вокруг цирка, проводилась под землей огромная труба для вмещения всех городских нечистот. Однако вся эта бурная деятельность не могла заглушить в сердце царя дурных предчувствий, всегда терзающих людей с нечистой совестью. И когда в его собственном дворце из деревянной колонны выползла змея, царь, не доверяя разъяснениям этрусских прорицателей, решил получить истолкование этого страшного знамения у Дельфийского оракула.

С этой целью он послал в Дельфы двух своих сыновей и племянника Луция Юния, прозванного Брутом (тупицей) за его медлительность и слабость ума. Луций Юний охотно принял эту кличку, ибо, считая его недалеким и широко пользуясь его имуществом (отец и старший брат Луция Юния были казнены вероломным царем), Тарквиний относился к Бруту с пренебрежением, не

подозревая, что этот юноша таит в душе великие замыслы освобождения отечества. Прибыв в

Дельфы, царские сыновья поднесли богу Аполлону драгоценные дары. Брут же, распотешив их своим подношением, пожертвовал богу свою дорожную палку, сделанную из рога. Но внутри палка была выдолблена и в нее вставлена золотая сердцевина. Таким путем Брут хотел показать, что под невзрачной оболочкой у него скрывалась прекрасная и гордая душа. Исполнив поручение, юноши пожелали узнать и свое будущее. И таинственный голос пифии из глубины расщелины изрек, что тот из них получит верховную власть в Риме, кто первым поцелует свою мать. Сыновья царя поняли это прорицание буквально и отложили его решение до возвращения домой, правда, договорившись не извещать об этом младшего брата Секста. А Брут истолковал слова пифии иначе и, сделав вид, что споткнулся, упал и коснулся земли (этой общей матери всех людей) губами.

Вернувшись из Дельф, сыновья застали Тарквиния Гордого в разгар подготовки войны с племенем руту-лов из-за богатого города Ардеи. С налету взять его не удалось, и войска римлян осадили город. Собравшись на пирушку в палатке Секста Тарквиния, молодые воины среди прочих бесед и шуток стали восхвалять высокие достоинства и трудолюбие своих жен. Разгоряченные вином спорщики вскочили на коней и помчались в Рим, чтобы лично увидеть, чем заняты в их отсутствие истинно добродетельные римские жены. И убедились, что все они либо развлекались болтовней с подругами, либо были на пиру у царских невесток. Лишь одна Лукреция, прекрасная и скромная жена Коллатина, участвовавшего в споре, поздно ночью сидела со служанками, занимаясь пряжей. Она приветливо приняла неожиданных гостей, и в сердце Секста Тарквиния, пленившегося ее красотой, зародился низкий замысел.

Без ведома мужа Лукреции Секст через несколько дней вновь отправился в дом Коллатина. Ничего не подозревавшая Лукреция, оказав гостеприимство, велела слугам с наступлением ночи отвести его в спальню для гостей. Убедившись, что все в доме спят, Секст с обнаженным мечом прокрался в покои Лукреции и, разбудив испуганную женщину, попытался склонить ее к прелюбодеянию. Но ни угрозы, ни мольбы не могли поколебать ее добродетель, и лишь когда Секст поклялся, что, убив ее, он положит к ней на ложе задушенного раба и сама память о ней будет обещана в глазах ее близких, несчастная уступила насилию. Секст удалился, торжествуя, а Лукреция в полном отчаянии послала вестника к отцу и мужу в лагерь,

сообщая о тяжком несчастье, происшедшем с ней, о котором она может сообщить только при свидании. Коллатин приехал вместе с Луцием Юнием Брутом, которого встретил по дороге. Лукреция ждала их в спальне на оскверненном супружеском ложе и, рассказав все, что произошло, стала умолять об отмщении негодяю, опозорившему ее непорочное имя. Молча внимали они несчастной женщине, задыхавшейся от сдерживаемых рыданий. Не слушая утешений, она промолвила: «Я не признаю за собой вины, но не освобождаю себя от казни». Твердой рукой Лукреция вонзила себе в грудь кинжал, который был спрятан у нее в одежде, и склонилась на него, чтобы он глубже вошел в сердце. Потрясенные свершившимся, молча стояли у постели Лукреции ее отец и муж. А Брут, вынув кинжал, обагрив кровью, из груди молодой, прекрасной и благородной женщины, поклялся, что будет преследовать царя Тарквиния с его преступной женой и всеми потомками и не допустит, чтобы они или кто-либо другой царствовал в Риме. Такую же клятву потребовал он и от окружающих, пораженных тем, что Брут под внешним слабоумием скрывал такую силу духа и благородство.

Вынеся тело несчастной жертвы царского произвола на форум Коллации, они побудили жителей города идти в Рим, чтобы положить конец злодеяниям и насилиям. Брут и здесь призвал народ взять оружие, чтобы воздать за все обиды, ибо почти каждый был оскорблен или унижен Тарквинием и его сыновьями. Толпа вооруженных жителей Коллации под предводительством Брута вошла в Рим и призвала на свою сторону народ, который собрался на форуме. Брут, потрясая кинжалом, на котором свежа еще была кровь Лукреции, обвинил преступниками и царя, и его сыновей, и его жену. Он напомнил злодеяние, совершенное Тарквинием, убившим престарелого Сервия Туллия на глазах у всех, чудовищное святотатство жены его, растоптавшей конями тело собственного отца, все несправедливости, причиняемые царем, тяжелые повинности, которыми он задавил бедняков.

Справедливый гнев Брута, его грозное красноречие вызвало в народе столь сильное возмущение, что здесь же было решено лишить Тарквиния Гордого власти и изгнать его из города с женою и детьми. Напрасно царица Туллия в смятении металась по городу. Все, кто видел ее, слали ей проклятия и призывали фурий — мстительниц за убитых родителей.

Брут, собрав дружину воинов, двинулся в лагерь царя под Ардеей, чтобы

взбунтовать войско Тарквиния, осаждавшее город. Тарквиний же бросился в Рим, желая со свойственной ему решимостью жестоко подавить возмущение. Брут специально пошел другой дорогой, чтобы разминуться с царем. К ярости Тарквиния ворота Рима были перед ним закрыты. Ему объявили, что царь со своей семьей отныне изгоняется из Рима. Потрясенный неожиданностью, Тарквиний Гордый был вынужден искать убежища в Этрурии со своими двумя сыновьями. Младший — Секст Тарквиний — имел наглость возвратиться в тот самый город Габии, который он так низко предал в свое время. Там он и был убит в отмщение за совершенные им преступления. Так была уничтожена в Риме царская власть.

Во главе римского государства поставили двух консулов, избравшихся общим народным собранием сроком на один год. Первыми консулами римской республики были избраны Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин. Вели они дела государства по очереди, сменяя один другого каждый месяц. Брут, хорошо зная коварную натуру Тарквиния Гордого, не сомневался, что изгнанник будет пытаться подкупом и интригами склонить хотя бы часть римлян на свою сторону. Поэтому, желая охранить свободу от посягательств на нее с тем же рвением, с каким он этой свободы добивался, Брут потребовал от сената и всего народа торжественной клятвы, что никогда не допустят они никого царствовать в Риме. И действительно, такое отвращение к царской власти удалось Бруту внушить римлянам, что народ дал торжественную клятву никогда ее не восстанавливать. Он потребовал изгнания из города всех, кто хоть по какой-нибудь линии принадлежал к семье Тарквиниев. Потому и товарищу Брута по консульству Луцию Тарквинию Коллатину, мужу благородной Лукреции, пришлось уехать из Рима.

Вопреки ожиданиям римлян Тарквиний Гордый не спешил объявлять войну своим бывшим подданным. Но, как и предполагал Брут, он широко занялся подкупом и уговорами, тем более что среди римской молодежи было достаточное количество знатных приспешников сыновей Тарквиния, которые сожалели о прежней безнаказанности и томились в строгой узде сурового республиканца Брута. Это недовольство использовали послы Тарквиния, прибывшие в Рим и предъявившие требование бывшего царя о выдаче его имущества. Пока консулы и сенат принимали решение, послы распространяли письма Тарквиния между теми римлянами, которые без возражений выслушивали их льстивые речи, полные соблазнов и богатых

посулов. В результате образовался целый заговор в пользу восстановления власти Тарквиния в Риме. Лишь благодаря счастливой случайности (один из рабов знатного римлянина Вителлия, на сестре которого был женат Брут, заподозрил недоброе и сообщил консулам об измене своего хозяина и его сообщников) заговорщики были схвачены во время трапезы с послами Тарквиния. При них обнаружили письма, в которых Тарквинию были даны заверения о готовности свергнуть республику в Риме и восстановить царскую власть.

К великому ужасу Брута, в числе заговорщиков, кроме брата его жены, оказались и оба его сына — Тит и Тиберий. Послы Тарквиния были изгнаны, а его имущество отдано народу на разграбление, чтобы, получив часть захваченных царем богатств, римский народ навсегда потерял надежду на возможность примирения с бывшим царем. Изменники были судимы и приговорены к казни. Среди привязанных к позорному столбу знатных юношей особенное внимание привлекали сыновья Брута. Они, дети консула, только что освободившего народ, решились предать дело отца, его самого и весь Рим в руки мстительного и несправедливейшего из деспотов! В полном молчании оба консула вышли, сели на свои места и приказали ликторам приступить к свершению унижительной и жестокой казни. С приговоренных были сорваны одежды, их долго секли прутьями, а затем отрубили головы. Консул Публий Валерий с состраданием смотрел на муки осужденных юношей, Брут же словно превратился в статую, ни единым движением не выдал он обуревавших его чувств. Лишь когда покатались головы его сыновей, легкая судорога передернула неподвижное лицо консула. После свершения казни был отличен раб, раскрывший заговор против Римской республики. Он получил освобождение, ему было даровано римское гражданство и денежное вознаграждение.

Когда Тарквиний Гордый узнал, что надежды на заговор рухнули, то он решил собрать войска этрусков и двинуться с ними на Рим, обещая воинам богатейшую добычу. Едва только враги под предводительством Тарквиния Гордого вступили в римские владения, консулы двинулись им навстречу. С обеих сторон впереди выступала конная разведка. Брут, окруженный ликторами, ехал в первых рядах отряда. Его увидел Аррунс, сын Тарквиния, и с воплем «Боги, отомстите за царей!» ринулся навстречу римской коннице. Брут с юношеским пылом бросился навстречу врагу. Они с такой силой вонзили свои копья, что насквозь пробили щиты друг друга и получили смертельные раны. Оба упали мертвыми с коней. Победа в битве между Тарквинием и римлянами была решена богом Сильваном, наведшим ужас на

войско Тарквиния. Громовой голос бога провещал из леса: «В битве пало одним этрусском больше — победа на стороне римлян». Погибшего Брута почтили пышной погребальной церемонией. Весь Рим скорбел об этом мужественном и твердом человеке, который превыше всего ценил свободу отечества. Но еще более почетным был объявленный годичный траур, в течение которого римские женщины оплакивали Брута, как сурового мстителя за поруганное женское достоинство.

Тем временем Тарквиний нашел поддержку в лице этруска Порсенны, царя города Клузия, которого он склонил на свою сторону обещанием союза с Римом, если Тарквиний вновь воцарится на римском престоле. Порсенна вступил в римские пределы и занял Яникуль-ский холм, который был соединен с остальными холмами мостом через Тибр. Охранявшие мост римские воины, увидев, что с занятого неприятелем Яникуль-ского холма на них несется вражеская лавина, в смятении стали бросать оружие и обратились в бегство. Напрасно находившийся среди них воин по имени Гораций Коклес пытался сдержать бегущих. Тогда он приказал воинам разрушить как можно скорее у него за спиной мост, чтобы враг не смог по нему пройти. Сам же остался один, прикрывшись щитом перед лицом многочисленного неприятеля, ожидая рукопашной схватки. За его спиной пылал разрушаемый римлянами мост, с грохотом обрушивались в воды Тибра бревна и доски, и даже те двое воинов, что остались, чтобы прикрыть Коклеса, были вынуждены отступить. Подошедшие на близкое расстояние этрусски остановились в изумлении, глядя на могучего и совершенно одинокого защитника разрушаемого моста. Римлянин, окинув суровым взором знатных этрусков, невольно замешкавшихся с нападением, бросил им в лицо оскорбительные слова, назвав их царскими рабами, которые, не имея собственной свободы, идут отнимать чужую. После этих дерзких речей на Коклеса обрушился дождь стрел, вонзившихся в щит храбреца. Тесня друг друга, этрусские воины ринулись на отважного римлянина и, конечно, осилили бы его, но в это время за спиной Коклеса остатки моста со страшным треском обрушились в Тибр и он сам, призвав на помощь бога реки Тиберина, не снимая доспехов, бросился в волны реки и переплыл на свой берег под радостные клики товарищей по оружию. Гораций Коклес не был ранен, хотя этрусские лучники осыпали его градом стрел, когда он переплывал Тибр. За свою невероятную отвагу он был удостоен высокой награды. Ему воздвигли статую на площади, где происходили выборы у римлян, и, кроме того, даровано столько земли, сколько он мог обвести

плугом за день. Все римские граждане в знак благодарности за проявленную им доблесть приносили Коклесу свои дары в зависимости от благосостояния.

Потерпев первую неудачу в наступлении на Рим, царь этрусков Порсенна решил взять его осадой. Он стал лагерем на берегу Тибра, и его воины зорко следили, чтобы в Рим не подвозили припасов. Кроме того, переправляясь через реку, отдельные отряды этрусков грабили и разоряли при каждом удобном случае римскую область. Римляне, в свою очередь, пытались отбивать беспорядочные нападения этрусков, но положение в городе оставалось тяжелым. Осада угрожала затянуться надолго. Начались болезни и голод, а этрусские войска продолжали держать Рим в осаде. И вот тогда юноша по имени Гай Муций, происходивший из знатной семьи, негодуя на то, что, даже находясь, подобно рабам, в подчинении у царей, римляне никогда не знали осады, а сами разбивали этрусков, которые ныне стоят под стенами города, принял смелое решение пробраться в лагерь царя Порсенны и убить его. Однако опасаясь, чтобы римские стражи не приняли его за перебежчика, Муций обратился к сенаторам со своим предложением. Сенаторы согласились, и Гай Муций, спрятав оружие под одеждой, ловко пробрался во вражеский лагерь. Поскольку он не знал царя в лицо, а расспросами боялся вызвать подозрения, то замешавшись в густую толпу воинов, стал присматриваться к ним, пытаясь определить, кто же из них Порсенна. Случайно он попал в лагерь во время раздачи жалованья воинам. Из рук человека в богатой одежде воины получали вознаграждение. Рядом сидел еще один этруск в более скромном одеянии. Гай Муций, замешавшись в толпу, приблизился к богачу и, выхватив меч, нанес смертельный удар. Схваченный царскими телохранителями, он с ужасом понял, что им убит секретарь Порсенны, а сам царь находился рядом и остался невредимым. Представ перед Порсенной, мужественный юноша назвал свое имя и прибавил: «Как враг, я хотел убить врага и так же готов умереть, как готов был совершить убийство. Но знай, царь, я лишь первый из длинного ряда римских юношей, ищущих той же чести. Мы объявили тебе войну. Не опасайся войска, не опасайся битвы. Ты один на один всегда будешь видеть меч следующего из нас».

Напуганный и разгневанный Порсенна потребовал, чтобы пленник назвал тех, кто собирается покушаться на его жизнь. Муций промолчал. Тогда царь приказал развести костер, угрожая Муцию сожжением заживо, если тот не

назовет имен заговорщиков. Муций сделал шаг к алтарю, на котором пылал огонь, разведенный по приказанию Порсенны для жертвоприношения, и спокойно опустил руку в пламя. Словно не замечая, что его живая плоть горит, причиняя ему нечеловеческие муки, Муций спокойно сказал, обращаясь к оцепеневшему от ужаса царю: «Вот тебе доказательство, чтобы ты понял, как мало ценят свое тело те, которые провидят великую славу!» Порсенна, опомнившись, приказал немедленно оттащить юношу от алтаря и велел ему удалиться в Рим, повторяя в смятении, что Муций поступил с собой еще более бесчеловечно, нежели собирался поступить с ним, Порсенной. Он отпустил юношу безнаказанным, бесконечно изумляясь его твердости и мужеству. Муций на прощание открыл царю, что триста наиболее доблестных римских юношей поставили себе целью убийство Порсенны. И только потому, что Муций убедился, что Порсенна умеет достойно оценить человеческую доблесть, он предупреждает об этом царя этрусков.

Встревоженный словами Муция, Порсенна, поняв, что с этой поры его жизнь находится под непрерывной угрозой и спасена была лишь счастливой случайностью, немедленно вслед за Муцием направил посольство в Рим с предложением мирных переговоров. Вскоре осада была снята и войска Порсенны удалились из пределов римской земли. За великую доблесть Гай Муций, прозванный Сцеволю (левшой), ибо он сжег правую руку, получил во владение поле за Тибром, которое стало называться Муциевыми лугами.

Во время войны с этрусками отличились и римские женщины. Из лагеря Порсенны бежали под предводительством юной римлянки Клелии заложницы, смело переплывшие Тибр, под градом вражеских стрел. Девушки вернулись под родительский кров, однако Порсенна потребовал через послов выдачи ему Клелии, разгневанный ее дерзостью. Затем, как рассказывают, он сменил свой гнев на милость, удивленный смелостью столь юного существа, решившегося на подвиг. Тем не менее царь все-таки настоял, чтобы Клелия была возвращена этрускам. В противном случае он грозил нарушить мирный договор. Правда, Порсенна тут же обещал, что если римляне выполнят договор, то он, в свою очередь, чтя доблесть девушки, отпустит ее невредимой. И действительно, обе стороны сдержали слово: римляне отправили Клелию к Порсенне, а он дал ей право вернуться в Рим, предоставив взять с собой тех заложников, кого она сочтет нужным. Юная Клелия широко воспользовалась своим правом, забрав всех несовершеннолетних юношей и девушек, то есть тех, кого было легче всего обидеть и обездолить. Клелии в Риме был оказан небывалый почет после

возобновления договора с Порсенной. На Священной улице ей была поставлена статуя, изображающая юную героиню верхом на коне.

Так безуспешно закончилась попытка Тарквиния Гордого и его приспешников вновь воцариться в Риме. Народ сдержал клятву, провозгласив героем первого консула Римской республики Брута. Самое слово «царь» стало ненавистным для уха свободного римлянина, ибо с этим словом было связано представление о неограниченном произволе и деспотизме. Был даже издан специальный закон о тех, кого подозревали в стремлении к царскому венцу. Этим честолюбцам грозила смертная казнь, если подобное намерение было доказано.